

„МАМА“

Комедія въ 2-хъ дѣйствіяхъ.

С. Н. Терпигорева (Сергѣя Атавы).

Къ представленію дозволено см. „Правит. Вѣсти.“ 1890 г. № 12.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Сергѣй Николаевичъ Тарбѣевъ, помѣщикъ тридцати двухъ лѣтъ, нѣсколько мѣсяцевъ какъ женатъ.

Елизавета Михайловна Тарбѣева, его жена, двадцати одного года.

Ранса Павловна княгиня Кильдякова, теща Тарбѣева, крѣпкая еще старуха лѣтъ подь шестьдесятъ.

Иванъ Платоновичъ Камнискій, дядя Тарбѣева по матери, богатый помѣщикъ, холостякъ, лѣтъ пятидесяти, москвичъ, клубистъ.

Управляющій, прислуга, мужики и проч.

ДѢЙСТВИЕ I.

Терраса большаго барскаго деревенскаго дома, выходящая въ садъ. Передъ террасой площадка, усыпанная пескомъ. На этой площадкѣ сервированъ столъ для утренняго чая, но самовара на немъ еще нѣтъ. Кружомъ клумбы съ цвѣтами. Вдали видны аллеи старыхъ деревьевъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Тарбѣевъ и за нимъ старикъ лакей съ самоваромъ спускается по ступенькамъ террасы на площадку къ столу. Лакей въ спорномъ полуфрактѣ съ ясными пуговицами. Тарбѣевъ въ дорожномъ костюмѣ.

Тарбѣевъ. А Елизавета Михайловна гдѣ же? Развѣ она спитъ еще?

Лакей. Нѣтъ-съ. Онѣ ужъ въ садъ сюда къ столу выходили. Сейчасъ онѣ тутъ были, я столъ накрывалъ.

Тарбѣевъ. Да гдѣ же она? (Смотритъ по сторонамъ.) Лиза!...

Лакей. Управляющаго сюда позвать прикажете?

Тарбѣевъ. Сюда.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Съ террасы по ступенькамъ бѣжитъ въ прыжку Елизавета Михайловна.

Елизавета Мих. Сережа!... Ты пріѣхалъ?

Тарбѣевъ. А мнѣ сказали, что ты тутъ. Я здѣсь тебя ищу. (Нѣсколько разъ принимаютъ цѣловаться.)

Елизавета Мих. Милый мой!

Тарбѣевъ. Милая моя!

Елизавета Мих. Ну, что, ты здоровъ? Ну, какъ ты съѣздилъ?

Тарбѣевъ. Здоровъ. Отлично съѣздилъ. Все устроилъ...

Елизавета Мих. Милый мой! Ну, какъ я рада. Мнѣ такъ скучно было безъ тебя. (Опять целуются).

Тарбѣевъ. Все у васъ благополучно?

Елизавета Мих. Все.

Тарбѣевъ. А Ранса Павловна... пашап?

Елизавета Мих. Здорова. Она все хозяйничала безъ тебя. Мы съ ней ѣздили каждый день въ поле.

Тарбѣевъ. Воображаю ужъ, какъ вы хозяйничали!...

Елизавета Мих. Пожалуйста! Мы еще сколько безпорядковъ нашли. Покровскихъ мужиковъ лошади, представь себѣ, ходятъ у насъ по полю, и—никого, ни единой души. Точно такъ имъ и надо.

Тарбѣевъ. Скажите, страсти какія!

Елизавета Мих. Конечно, страсти. По твоему все ничего. Мама и то говорить, что ты

такъ мужиковъ избаловалъ — никуда они не годятся.

Тарбѣевъ. Это твоей мамѣ они не годятся, а мнѣ они очень годятся, — безъ нихъ я ничего не подѣлаю.

Лизавета Мих. Ну, Богъ съ ними... Ахъ, да! я и забыла, — новость!... Ты знаешь, кто сейчасъ къ намъ прѣдетъ?

Тарбѣевъ. Кто?

Лизавета Мих. Отгадай!... Дядя твой, Иванъ Платоновичъ!...

Тарбѣевъ. Да-а? Ахъ, какъ я радъ. Наконецъ-то!

Лизавета Мих. Вчера прислалъ письмо; пишетъ, что будетъ сегодня и чтобъ выслали за нимъ лошадей на станцію къ утреннему поѣзду.

Тарбѣевъ. Ты что-жь, выслала?

Лизавета Мих. Конечно. Вчера же еще распорядилась. Позвала управляющаго и велѣла, чтобъ въ тарантасѣ, тройкой съ колокольчикомъ, по-деревенски. Дядя говорилъ мнѣ, что такъ любить въ деревнѣ по-деревенски.

Тарбѣевъ. Ты умная у меня. Я знаю...

Лизавета Мих. Конечно, умная... *(Цѣлуются.)*

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Тѣ же, управляющій и трое мужиковъ показываются изъ-за угла дома и нерешительно приближаются къ столу, за которымъ сидятъ господа. Управляющій впереди. Лизавета Михайловна замѣчаетъ ихъ первая и говоритъ.

Лизавета Мих. Управляющій и какіе-то мужики... къ тебѣ, Сережа.

Тарбѣевъ. *(оглядываясь и потомъ вставая).* А, здравствуй Тихонъ Ивановъ... Вы что, ребята?

Управляющій. Съ прѣздомъ, Сергѣй Николаевичъ.

Тарбѣевъ. Спасибо... Что вы, ребята?

Первый мужикъ *(съ сѣдой бородой).* Къ тебѣ, Сергѣй Николаевичъ. Лошадокъ загнали нашихъ, не досмотрѣли, виноваты... Прикажи выпустить.

Тарбѣевъ. Кто же это загналъ? Конечно, выпустить. Какъ же это можно?

Второй мужикъ. Семь дѣнь держать. Работать не на чѣмъ...

Тарбѣевъ. Выпустить! Да кто это загналъ? Вѣдь я говорилъ, чтобъ когда лошади чьи къ намъ зайдутъ, согнать ихъ и сказать объ этомъ ихъ хозяину.

Второй мужикъ. Сосѣдское дѣло! Намедни вотъ тоже твои лошади ночью къ намъ въ овсы попали. Конюха-то передъ зарей заснули, должно быть, — полтабуна почитая и сорвалось у нихъ, да прямо къ намъ въ овсы...

Тарбѣевъ. Что тутъ говорить! И толковать чего, — сосѣдское дѣло. Со всякимъ можетъ

случиться... Выпустить! Идите, скажите, что я сейчасъ велѣлъ выпустить.

Мужики. Благодаримъ покорно, Сергѣй Николаевичъ. Спасибо. Известно, сосѣдское дѣло. Все можетъ случиться. *(Кланяются и хотѣтъ уходить, но Тарбѣевъ ихъ останавливаетъ.)*

Тарбѣевъ. А что, ребята, начиналъ ужъ кто-нибудь жать?

Первый мужикъ. Зачинаютъ. Ужъ Егоровы зачали, Федюхины вчера тоже зачали.

Тарбѣевъ. Погода стоитъ такая — лучше и не надо!... Жара! Вотъ я сейчасъ вѣла, — туманъ даже какъ будто въ воздухѣ отъ жары.

Первый мужикъ. Отъ жары, известно. Погоды и желать ужъ какой же еще.

Тарбѣевъ. Ну, прощайте ребята. Съ Богомъ.

Мужики. Прощай, Сергѣй Николаевичъ. Спасибо. Не нарочно вѣдь. Сосѣдское дѣло, — все можетъ случиться...

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Тарбѣевъ. *(къ управляющему).* Да кто это велѣлъ загнать, и какъ же это можно въ рабочую пору цѣлую недѣлю лошадей мужицкихъ держать? На чѣмъ же они работать будутъ?

Управляющій *(переминаясь).* Раиса Павловна увидали и приказали... Я имъ докладывалъ.

Тарбѣевъ *(дѣлаетъ нетерпѣливый жестъ).* Э-э-э.

Лизавета Мих. Да, мама говорить, что ты и такъ ихъ всѣхъ перебаловалъ.

Тарбѣевъ. Твоя мама, моя милая... Ну, да что тутъ толковать!... *(Къ управляющему)* Что, у насъ все благополучно? *(Пауза.)*

Управляющій. Объ несчастіи должнъ доложить...

Тарбѣевъ. Что такое?

Управляющій. Пивка на овецъ накиннулась...

Тарбѣевъ. Это откуда еще? Что такое? Тамъ мѣсто высокое кажется, гдѣ онѣ ходятъ. Откуда тамъ пивкамъ быть?

Управляющій. На низахъ эти дни держали...

Тарбѣевъ. Какъ на низахъ? Кто это выдуналъ?

Управляющій. Раиса Павловна приказали... Я докладывалъ.

Тарбѣевъ. Да какъ же ты могъ ее слушать?

Управляющій. Помилуйте, Сергѣй Николаевичъ! Какъ же я ихъ не послушаю? Я имъ докладываю, что этого никакъ невозможно, что бы овцу на низы пускать, сейчасъ поэтому въ ней пивка заведется, — а онѣ: — Я лучше тебя знаю. Ты ничего не понимаешь... Пріѣхали съ барыней, съ Лизаветой Михайловной, какъ же я ихъ не послушаю-съ?... Говорятъ: дуга у васъ даромъ пропадаютъ, а овцамъ тутъ, на верхахъ, взять нечего, онѣ голодныя... Сами и приказали пастухамъ на другой день овецъ съ

зарей на луга выгонять. Я докладывалъ, что никакъ этого невозможно, пускай хоть ободняется, роса сойдетъ, пивка тогда въ землю уйдетъ:— «Ничего ты не понимаешь, дѣлайте, какъ я говорю!»... Чѣмъ же-съ, Сергѣй Николаевичъ, я тутъ виноватъ? Воля ваша, я тутъ не причемъ. Какъ же-съ я могу? Приѣзжаютъ съ барыней, съ Лизаветой Михайловной.

Лизавета Мих. (вслушиваясь). Что такое?... Какія пивки?

Тарбѣевъ. Какія! Маленька твоя, Ранса Павловна, тутъ все отличается. У насъ, ты знаешь зараза... Она мнѣ всѣхъ овецъ погубила!

Лизавета Мих. (встаетъ и идетъ къ мужу). Что такое? Какъ погубила?

Тарбѣевъ. А такъ, овецъ нельзя пускать на низы,—онѣ на сухомъ мѣстѣ должны пасться,—а она ихъ велѣла пустить. У нихъ пивки теперь и завелись.

Лизавета Мих. Сережа, это что-нибудь не такъ. Маша знаетъ хозяйство. Такой хозяйки, какъ она... Я маленькая еще была, всѣ сосѣди у насъ удивлялись ея хозяйству. Послѣ папы она завѣдывала всѣмъ, и, ты самъ знаешь, домъ у насъ былъ—полная чаша, какъ говорится.

Тарбѣевъ. Ничего она не понимаетъ! Да, что касается вареній, солений, моченій, или, какъ прежде это было, по крѣпостному, талекъ, вышиваній, плетеній,—а въ хозяйствѣ она ничего не смыслить и все суется. И что ей нужно отъ меня? Что она лѣзетъ не въ свое дѣло? Кто ее просить?

Лизавета Мих. Сережа! Опомнись... Это ужъ дерзости ты говоришь. Она мнѣ мать. Ты это забываешь. Такъ нельзя говорить!...

Тарбѣевъ. Милая моя, да взойди ты хоть разъ и въ мое положеніе! Что же мнѣ остается дѣлать? У меня силъ ужъ не хватаетъ выносить все это!... Я брошу когда-нибудь все и уѣду!...

Лизавета Мих. Она добра тебѣ желаетъ, а ты...

Тарбѣевъ. Не нужно мнѣ! Кто ее просить объ этомъ? (*Къ управляющему*) И ужъ начали падать?

Управляющій. Сегодня въ ночь полтораста штукъ пало, сто пятьдесятъ двѣ овцы пало.

Тарбѣевъ. (къ женѣ). Какова игрушка! Какъ это тебѣ нравится?... (*Къ управляющему*) И вы всѣхъ пускали на низы?

Управляющій. Да вѣдь онѣ приказывали... всѣхъ-съ.

Тарбѣевъ. Это значитъ всѣ три тысячи овецъ—прощай теперь! (*Къ женѣ*) Вотъ она чего надѣлала! Добра желаетъ! По три рубля штука—положить—девять тысячъ!... (*Нѣмая сцена, постъ которой Лизавета Михайловна, закрывъ лицо платкомъ и, рыдая,*

быстро уходитъ въ домъ. Тарбѣевъ вскидываетъ плечами и провожаетъ ее взглядомъ).

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Тарбѣевъ. Господи, какое наказаніе! Вотъ извольте тутъ чѣмъ-нибудь заниматься!... (*Къ управляющему*) Онѣ теперь какъ мухи начнутъ мереть!

Управляющій. Скипидаръ надо давать...

Тарбѣевъ. Кто это тебѣ сказывалъ?

Управляющій. Намедни барсуковскій коноваль сказывалъ. Бѣдетъ онѣ наедни, видѣть это, что овцы у насъ по низамъ пасутся, а я навстрѣчу ему попался, онѣ и говоритъ:— Что это вы вздумали? Вѣдь на нихъ пивки отъ этого нападутъ. Скипидаръ тогда давайте. Это хорошо, полезно; помогаетъ отъ...

Тарбѣевъ. А гдѣ этотъ барсуковскій коноваль?

Управляющій. Да долженъ дома теперь. Здѣсь въ Барсуковкѣ.

Тарбѣевъ. Послать за нимъ поскорѣй. Первый разъ слышу. Ни разу не слыжалъ, чтобы овцамъ скипидаръ давали... А скипидаръ есть у насъ? Вели и скипидару поскорѣй гдѣ-нибудь кунить. Ну, пожалуйста, поскорѣй. Поторопись...

Управляющій. Слушаю-съ! Сейчасъ.

Тарбѣевъ. Какъ коноваль приѣдетъ, приди съ нимъ тогда.

Управляющій. Слушаю-съ.

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

По ступенькамъ террасы сподятъ Кильдякова и Лизавета Михайловна. Старуха правой рукой обнимаетъ дочь. Лизавета Михайловна все еще съ платкомъ въ рукѣ. Старуха ведетъ дочь медленно и торжественно. Тарбѣевъ, увидавъ тещу, на несколько мгновеній, какъ бы раздумывая, останавливается, а потомъ идетъ къ ней навстрѣчу и цѣлуетъ у нея руку.

Кильдякова. (пропуская дочь къ самовару и на ходу чтобы занять свое мѣсто за чайнымъ столомъ). Какъ съѣздила? Довольна своей повздой?

Тарбѣевъ. Благодарю васъ, хорошо.

Кильдякова. Устроили всѣ ваши дѣла?

Тарбѣевъ. Устроилъ-съ, какъ же. (*Большая пауза, во время которой всѣ чувствуютъ себя неловко до крайности*).

Кильдякова. А мы съ Лизой въ ваше отсутствіе хозяйничали... И кажется неудачно... Вы кажется недовольны, что я велѣла пустить вашихъ овецъ на траву, да? Я это велѣла сдѣлать потому, что я замѣтила, что онѣ кашляютъ... Мнѣ сказали, что это бываетъ у нихъ отъ сухой травы... Онѣ у васъ паслись на совершенно выжженномъ солнцемъ лугу. Имъ тамъ взять было нечего. Онѣ бы, мнѣ кажется, ско-

ро тамъ съ голоду должны были всё перемереть.

Тарбѣвъ. Нѣтъ-съ, онѣ тамъ каждый годъ пасутся, и нечего.

Кильдякова. Вашъ управляющій винить теперь во всемъ меня?

Тарбѣвъ. Да-съ, онъ говоритъ, что это было ваше приказаніе.

Кильдякова. Стало-быть, я во всемъ виновата?... Гм... Странно!... Я двадцать лѣтъ почти завѣдывала хозяйствомъ при покойномъ мужѣ, когда онъ лежалъ ужь больной. Правда, у насъ овцеводства своего не было, но я что-то не слыхивала, чтобы овцы падали отъ того, что ихъ на хорошей кормъ пустили.

Тарбѣвъ. Не на хорошей, а на низы, на сырой кормъ. Этого нигдѣ не дѣлается.

Кильдякова. Не знаю... Я, значитъ, теперь во всякой эпидеміи, если она откроется, буду у васъ виновата? Мать вашей жены, значитъ, вамъ зла желаетъ? Она желаетъ зла и вамъ, и вашей женѣ, дочери своей, да?... По вашему такъ выходитъ...

Тарбѣвъ. Не зла вы желаете,—этого никто не говоритъ,—а... а вы виѣшиваетесь не въ свое дѣло, чего отъ васъ никто не проситъ. Отдаете приказанія, которыхъ не понимаете. Вотъ объ чемъ говорить.

Кильдякова. Ахъ, я иѣшаюсь не въ свое дѣло! Да?... Я никому не привыкла иѣшать. И я не желала вамъ ничего, кромѣ добра. Я думала, что моя опытность... мои совѣты могутъ принести вамъ пользу... Кажется, я иѣла право такъ думать... Управленіе въ теченіе двадцати почти лѣтъ Кильдяковкой, которую я приняла въ свое завѣдываніе отъ больного мужа... Наконецъ, долги, которые я заплатила послѣ него, сохранивъ дѣтямъ иѣвніе... Кажется, это все доказываетъ, что я понимаю хозяйство.

Тарбѣвъ. Тогда было одно хозяйство, теперь — другое. По крѣпостному праву всякій могъ хорошо вести свое хозяйство.

Кильдякова. Вы это говорите ужь дерзости. Я не всякая, Сергѣй Николаевичъ.

Тарбѣвъ. Вы извращаете смыслъ! (*Кильдякова кладетъ руку на грудь, тяжело дышитъ и откидывается на спинку кресла.*)

Лизавета Мих. Сережа! Мама!...

Тарбѣвъ (*продолжая*). Наконецъ, у васъ былъ управляющій толковый малый, который пользовался вашимъ довѣріемъ и всѣмъ распоряжался, и который собственно и былъ, какъ всѣ говорятъ, настоящимъ хозяиномъ въ иѣвніи.

Кильдякова. Ахъ, нѣтъ. Довольно! Нѣтъ, я этого не могу долже выносить. Это ужь прямо оскорбленіе. Я не могу. Эти грязные намеки... Эти сплетни. Ахъ, нѣтъ!... Лиза, я тебя прошу... вели, мой другъ, лошадей заложить... Попроси у своего мужа, чтобы онъ

позволилъ тебѣ приказать. Я сейчасъ уѣзжаю отсюда... Я не могу долже тутъ оставаться. (*Дѣлается ей дурно.*)

Лизавета Мих. (*кидается къ ней*). Мама! (*Падаетъ на грудь къ матери и плачетъ. Та ее обнимаетъ одной рукой и тоже показываетъ видъ, что плачетъ.*)

Кильдякова. Прощай, мой ангелъ. Прощай...
Лизавета Мих. Мама!

(*Кильдякова дѣлаетъ усиліе подняться къ креслу. Съ дочерью дѣлается дурно. Она, шатаясь, опускается на садовый диванчикъ.*)

Тарбѣвъ (*вскакиваетъ*). Боже мой, Боже мой! Вотъ жизнь-то! Что это такое!

Кильдякова (*спѣшитъ къ дочери*). Воды! Воды! Доктора! Ахъ, Боже мой! (*Оборачиваясь на Тарбѣва*.) Да пощадите вы хоть жену вашу. У васъ сердца нѣтъ. Ахъ, воды, воды, воды! Доктора!...

(*Тарбѣвъ бѣжитъ за водой, но сверху, съ террасы, ужь спускается горничная съ стаканомъ. Горничная съ Кильдяковой начинаютъ sprыскивать водой Лизав. Мих., даютъ ей пить. Тарбѣвъ растерянно стоитъ, не зная, что это такое передъ нимъ происходитъ и что ему дѣлать.*)

Кильдякова (*къ Тарбѣву*). Да подойдите къ ней. Пощупайте хоть пульсъ у вашей жены. Вамъ дѣла до нея нѣтъ, кажется.

Тарбѣвъ (*беретъ жену за руку, наклоняется надъ ней*). Лиза, перестань... Ну, я прошу тебя, перестань...

Кильдякова. Боже мой! Онъ думаетъ, кажется, что она притворяется!

Тарбѣвъ. Лиза, ну, я прошу тебя... Ну, ради Бога. Ну, прости меня.

(*Горничная sprыскаетъ ей въ лицо водой. Она дѣлаетъ слабое усиліе. Горничная даетъ ей пить.*)

Лизавета Мих. Мама, я съ тобой поѣду.

Кильдякова. Поѣдемъ, мой другъ.

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

(*Съ террасы по ступенькамъ сбѣгаетъ лакей и останавливается у послѣдней ступеньки.*)

Лакей. Дяденька Иванъ Платоновичъ ѣдутъ!... (*Всѣ смотрятъ на лакея. Лизавета Мих. оправляется. Кильдякова смотритъ на зятя.*)

Тарбѣвъ. Боже мой! Этой еще срамоты только и не доставало!

Кильдякова. Мы васъ забавимъ сейчасъ отъ нея. Можете вы, Сергѣй Николаевичъ, исполнить мою послѣднюю просьбу, сдѣлать мнѣ послѣднее одолженіе — приказать заложить мнѣ лошадей?...

Тарбѣвъ (*упорно смотритъ на тещу*). Вы все-таки уѣзжаете, да? Хотите-таки сдѣлать мнѣ скандалъ? Да?

Кильдякова (съ изумленіемъ). Развѣ я могу послѣ всего, что вы сейчасъ позволили себѣ, оставаться здѣсь?

Тарбѣевъ. Вы хотите, значить, до конца довести скандалъ, да?

Кильдякова. Да зачѣмъ мы вамъ нужны?... То я вамъ во всемъ помѣла, всему мѣшаю, то вы не хотите отпускать насъ отъ себя.

Лизавета Мих. Мама, ну, останься. Не уѣзжай. Ну, голубчикъ! Онъ извинится передъ тобою. Онъ больше не будетъ такъ выражаться...

Кильдякова. Тутъ не въ словахъ дѣло. Ты, мой другъ, не понимаешь. Дѣло не въ томъ. Ты слишкомъ чиста для этого. У твоего мужа есть приближенные, мои враги, которые меня не переносятъ, потому что понимаютъ, что я все вижу, насквозь все вижу...

Тарбѣевъ. Что такое вы говорите? Это еще что такое? Кто это у меня васъ ненавидитъ? Съ кѣмъ это я объ васъ говорю?

(Вдали слышится колокольчикъ.)

Кильдякова (вслушиваясь). Ну, вотъ, я не буду никому больше мѣшать. (Дѣлаетъ поклонъ, намѣреваясь удалиться.)

Тарбѣевъ (подступая къ ней). Равса Павловна!

Лизавета Мих. Мамочка! Голубчикъ. Ну, прости его. Онъ извинится передъ тобой. Онъ больше не будетъ.

Кильдякова. Я не могу, Сергѣй Николаевичъ, оставаться здѣсь у васъ при этихъ условіяхъ.

Лизавета Мих. Ну, мамочка!

Тарбѣевъ. Я васъ прошу... Ну, хоть вы сейчасъ. Вы же вѣдь отлично понимаете, что это скандалъ.

Кильдякова. Я не могу (Пауза.) Они дороже вамъ меня, дороже спокойствія вашей жены, наконецъ дороже вашихъ собственныхъ интересовъ.

Тарбѣевъ. Да кто это такіе? Про кого вы говорите?

Кильдякова. Вы сами знаете. Вы все отлично сами знаете... И если они у васъ останутся, я уѣзжаю сейчасъ.

Лизавета Мих. Сержа, ну мама не хочетъ, чтобы этотъ управляющій у насъ оставался. Ну, отпусти его, тогда мама останется у насъ.

Кильдякова. И потомъ конюшаго Ефрема...

Лизавета Мих. Отпусти его!

Тарбѣевъ. Да за что?

Лизавета Мих. Ну, все равно!

Кильдякова. И потомъ кучера Андрея и садовника Евстигнея.

Лизавета Мих. Отпусти ихъ, Сереза!

Кильдякова. А главное: ключницу Прасковью, птичницу Маланью, скотницу Авдотью... (Колокольчикъ звенитъ и обрывается у самаго крыльца по ту сторону дома.)

Тарбѣевъ (схватясь за голову). Боже мой, Боже мой!

Лизавета Мих. (обнимая мужа) Ну, расчитай ихъ, отпусти ихъ, Сереза... Согласенъ, да? Ты расчитываешь ихъ, да? Ну, сдѣлай это. (Цѣлуетъ его; онъ также ее цѣлуетъ.) Да? Ну, вотъ! Ну, шаша теперь останется у насъ. (Тарбѣевъ все молчитъ.) Ну, мамочка! (Лиз. Мих. кидается къ матери и цѣлуетъ ее.) Сереза, ну, поцѣлуй у шаша ручку. Извинись передъ ней. Скажи ей, что не будешь позволять себѣ говорить ей того, что ты сегодня наговорилъ. (Тарбѣевъ цѣлуетъ у тещи руку, а потомъ и она привлекаетъ его къ себѣ и побыдно, торжественно цѣлуетъ его въ голову.)

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

На верху террасы показывается Кашиинскій, останавливается и оттуда говоритъ:

Кашиинскій. Вотъ это я люблю! Какъ это мило! Какъ это рѣдко нынче можно встрѣтить такое согласіе: зять обнимается и цѣлуетъ съ тещей!...

Лизавета Мих. Дядя!

(Кашиинскій спускается по ступенькамъ внизъ. Сергѣй Николаевичъ и Лизавета Михайловна спѣшатъ ему на встрѣчу. Кильдякова тоже дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ нему и останавливается. Кашиинскій прежде обнимаетъ Лизавету Михайловну, цѣлуетъ ее на правахъ старика дяди, но тутъ вдругъ замѣчаетъ, что глаза у нея заплаканы и съ удивленіемъ молча смотритъ на Тарбѣева. Наконецъ говоритъ.)

Кашиинскій. Сергѣй, что это?... Лиза, ты плакала? О чемъ? (Они молчатъ. Кашиинскій подходитъ къ Кильдяковой и, цѣлуя у нея руку, говоритъ) Равса Павловна, они ссорятся тутъ у васъ? Какъ же это вы ихъ позволяете? Пятый мѣсяцъ какъ жеваты, и ужъ ссорятся. Сереза, какъ тебѣ не стыдно? Что это? Что это значить?

Тарбѣевъ. Да тутъ, дядя, одно обстоятельство такое вышло. Все ужъ кончено... это такъ.

Кашиинскій. Глупости какія! Какъ же это можно! Поцѣлуйтесь сейчасъ при нихъ. Я хочу видѣть. (Тарбѣевъ беретъ у жены руку и цѣлуетъ ее. Лиз. Мих. цѣлуетъ мужа въ щеку и улыбается.) Не такъ. Я говорю: поцѣлуйтесь. (Тарбѣевъ и жена улыбаются и цѣлуются.) Ну, вотъ давно бы такъ.

Кильдякова. Счастливыи возрастъ!

Кашиинскій. Какъ же это позволять имъ! Понимайте, четыре мѣсяца какъ свадьба была, и ужъ ссорятся. Жена плачетъ...

Тарбѣевъ. Это тутъ, дядя, одно такое обстоятельство было...

Кашиинскій. Никакихъ обстоятельствъ!... Я и знать ничего не хочу. И ты имъ не рассказывай!

Я и слушать не хочу, не стану... Лиза, ты, моя душа, если онъ вздумаетъ опять когда-нибудь тебя обижать,—налиши мнѣ, сейчасъ пріѣду, и мы ему... мы ему ужъ зададимъ!.. (Обращаясь къ Кильдяковой.) Ну, вы какъ поживаете, Раиса Павловна?

Кильдякова. Да вотъ живу покаймѣсть у нихъ...

Кашинскій. И прекрасно дѣлаете.

Кильдякова. Стараюсь не быть имъ въ тягость.

Кашинскій. Какая же тягость!

Кильдякова. Ну, знаете, нынче... это ужъ вездѣ, кажется, такъ... нынче на стариковъ смотреть какъ на обузу... что они только чужой вѣкъ заѣдаютъ, даромъ хлѣбъ ѣдятъ.

Кашинскій. Ну, это ужъ про какихъ же стариковъ!

Кильдякова. Да вообще... Конечно, я стараюсь быть имъ полезна моими совѣтами, моею опытностью...

Кашинскій. Разумѣется.

Кильдякова. Не всегда, можетъ быть, это бываетъ пріятно... я не могу, когда я вижу обманываютъ или намѣренно вводятъ въ заблужденіе человѣка... обкрадываютъ его... или, такъ теперь выражаются, эксплуатируютъ его снисходительность, доброту...

Тарбѣевъ. Ну, это-то кто же меня эксплуатируетъ?...

Лизавета Мих. (качая мужу голову). Сережа!

Кашинскій. Погоди, Сергѣй... Я вѣдь знаю тебя тоже. Это вѣдь такъ тоже нельзя. Слюни только распусти...

Кильдякова. Сергѣй Николаевичъ думаетъ, что все честные кругомъ него, и никто его не обманываетъ.

Кашинскій. О-о!.. Нѣтъ, Сергѣй. По выиѣшнимъ временамъ надо ухо остро держать.

Тарбѣевъ. Да я не знаю про кого шаташъ говорить. На кого намекаетъ.

Кильдякова (съ ядовитою улыбкой). О, вы знаете, про кого я говорю. Вы отлично знаете... Вы только не вѣрите... По добротѣ своей, считаете ихъ честными вполне, довѣряетесь имъ.

Лизавета Мих. Дядя, вы вѣдь не повѣрите, до чего Сережа добръ. Вы себѣ представить не можете!

Кашинскій (къ Лизаветѣ Мих.) Надо знать, душа моя, съ кѣмъ быть добрымъ, знать, кому можно довѣрять. А то такъ подведутъ, что ой-ой-ой. Спохватисься, да ужъ поздно будетъ.

Кильдякова. А я то про что же говорю? Я про это только и говорю Сергѣю Николаевичу...

Кашинскій. О, какъ надо быть нынче осторожнымъ.

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

(Съ террасы сходитъ горничная, и, подойдя къ Кильдяковой, докладываетъ ей):

Горничная. Лѣкарша пріѣхала изъ города.

Кильдякова. А, пріѣхала! Сейчасъ, скажи. (Обращаясь къ Кашинскому.) Массажистка моя... Это, нынче говорятъ, полезно. У меня сердце и печень...

Кашинскій. О, это очень полезно. Массажъ вообще прелестная вещь...

Кильдякова (вставая и собираясь уходить). Это Сергѣй Николаевичъ былъ такъ любезенъ, пригласилъ изъ города массажистку, она два раза въ недѣлю пріѣзжаетъ ко мнѣ. (Дѣлаетъ нѣчто вродѣ общаго поклона) Я сейчасъ пріду. До свиданія...

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Кашинскій (смотритъ ей вслѣдъ и говоритъ). Какая еще энергія, какая полнота силы у вашей таташ! Я всякій разъ, какъ вижу Раису Павловну, люблюсь на нее.

Лизавета Мих. Да, таташ, слава Богу... (Хочетъ налить Кашинскому еще стаканчаю и говоритъ.) Дядя, еще хотите чаю?

Кашинскій. Нѣтъ, благодарю. А вотъ если бы ты душа моя (смотритъ на часы) дала бы мнѣ рюмку водки, да чего-нибудь закусить... Я привыкъ, да еще съ дороги, въ это время... адмиральскій часъ.

Лизавета Мих. Сейчасъ, дядя!

Тарбѣевъ. Ахъ, въ самоѣ дѣл!

Лизавета Мих. Дядя, я вамъ сана омлетку сдѣлаю, сейчасъ. Меня выучила одна французка-гувернантка здѣсь у сосѣдей. Ахъ, какъ она дѣлаетъ!

Кашинскій. Вотъ и прекрасно.

Тарбѣевъ. Только ты поскорѣй...

Лизавета Мих. (бѣжитъ къ террасѣ). Сейчасъ!

Тарбѣевъ. Сыру, масла, икры!..

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Кашинскій. Не нужно такъ много... (Къ Тарбѣеву.) А, какъ Лиза похорошѣла - то за это время.. Она прелестъ, какъ хороша стала!.. (Тарбѣевъ молча и грустно улыбается.) А ты что такой какой-то? Точно въ воду опущенный?... что у васъ тутъ было? Изъ чего это вы тутъ ссорились?

Тарбѣевъ. Это не съ ней, не съ Лизой.

Кашинскій. Не съ ней? Съ кѣмъ же, съ Раисой Павловной?

Тарбѣевъ. Да... Лиза—ангелъ!..

Кашинскій. А что такое было у васъ съ Раисой Павловной?

Тарбѣевъ. Ахъ, я не знаю просто, что мнѣ и дѣлать!

Кашинскій. Дочь возстановляетъ? Лизу?

Тарбѣевъ. Нѣтъ! Но она виѣшивается во все, путаетъ мнѣ. Ну, разужбѣтся, и идетъ во всемъ кавардакъ... И въ домѣ тоже, конечно... Лиза въ слезы сейчасъ. Просто голову потерялъ...

Кашинскій. Мѣшаться не надо позволять ей.

Тарбѣевъ. Сегодня прѣвѣжаю изъ города — сюрпризъ мнѣ: у овецъ пивки! Равса Павлова приказала на низахъ пасти: на низахъ кормъ, говорить, лучше...

Кашинскій. Какъ же управляющій-то позволилъ ей?

Тарбѣевъ. Да какъ же онъ станетъ? Вѣдь она мать жены...

Кашинскій. О-о! Такъ она тебя тогда... Нѣтъ, эти деликатности тутъ не у мѣста. Это вѣдь такая...

Тарбѣевъ. Нынче въ ночь сто пятьдесятъ овецъ и пало отъ этого.

Кашинскій. Да? Ну, вотъ!...

Тарбѣевъ. А съ мужиками — такъ просто до бѣды... Озлобленію у нея какое-то противъ нихъ. Рада къ чему-нибудь... ну, ко вздору какому-нибудь придратъся, лишь бы ей только затѣвать исторію... А вѣдь, ты самъ знаешь, развѣ это можно нынче?

Кашинскій. О, съ мужиками, братъ, живи ладно. Кто этого не понимаетъ, — всѣ въ дура-

какъ сдѣять... Какъ это можно! Избави Боже: сосѣди и соротытся, да еще изъ-за прихотей, изъ-за капризовъ ея.

Тарбѣевъ. Мутить, знаешь, это ее все. Стаярая это, еще крѣпостная закваска сидитъ въ ней.

Кашинскій. Да! А главное — дѣла у нея никакого нѣтъ. Вѣситъ съ жиру.

Тарбѣевъ. Какое же у нея дѣло!

Кашинскій. Найдти ей надо дѣло.

Тарбѣевъ. Да какое?

Кашинскій. Все равно. Нѣтъ дѣла, — выдумать его надо ей.

Тарбѣевъ. Я просто голову потерялъ! Исторіи, Лиза плачетъ...

Кашинскій. Дѣломъ надорвать ее надо, и больше ничего...

Тарбѣевъ. Какъ надорвать?

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

(Наверху террасы показывается Лизавета Мих.).

Лизавета Мих. Дядя! Сейчасъ будетъ готова вагъ оилетка! Идите!

(Кашинскій и Тарбѣевъ встаютъ и идутъ).

Кашинскій. Очень просто. Я тебя научу какъ. Это одно средство. Шелковая станеть... Надорвать ее... больше ничего...

(Занавѣсъ).

ДѢЙСТВІЕ II.

Декорация та же. Утро. Открытіе занавѣсы застаётъ на сценѣ одного Кашинскаго. Онъ сидитъ передъ террасой, на площадкѣ, въ большомъ креслѣ и читаетъ газету.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

(Справа, изъ аллеи, идетъ къ нему Тарбѣевъ).

Тарбѣевъ. Дядя, ты ужъ всталъ?

Кашинскій (оглядываясь и опуская газету). А-а... Давно ужъ. Почту привезли ужъ со станціи... Писемъ нѣтъ тебѣ, однѣ газеты Ты съ поля сейчасъ? Ты какъ же это черезъ садъ?

Тарбѣевъ. Черезъ садъ напрямикомъ. (Садится.) Фу!.. и жара же!

Кашинскій. Ну, а объ чемъ говорили, — все устроилъ?

Тарбѣевъ. Все... Ну, если и въ самомъ дѣлѣ это все такъ случится, какъ ты говоришь?...

Кашинскій. Навѣрно. Вотъ увидишь.

Тарбѣевъ. Носится въ дрожкахъ по полю. Раскраснѣлась вся отъ жары...

Кашинскій. Съ извѣстиями объ несчастіяхъ сюда будутъ приходить?

Тарбѣевъ. Сюда... Сегодня опять со штрафами потѣха. — Опять сегодня чью-то лошадь загнала. Увидала меня — кричить, машетъ зон-

тикомъ. Подѣхалъ, — объявляетъ мнѣ. Ужъ теперь догнала штрафы до десяти рублей въ день за лошадь!...

Кашинскій. Не догадывается все еще?

Тарбѣевъ. Нѣтъ. Я, вѣдь, запретилъ болтать имъ тогда же строго-настрою.

Кашинскій (смѣясь). Главное — чтобы только безъ передышки. Да я убѣжденъ, что сегодня послѣ всего этого она сдастся.

Тарбѣевъ. Пятнадцатый день ужъ сегодня...

Кашинскій. Во всякомъ случаѣ самое большое еще нѣсколько дней, и — ты надорвешь ее. Я тебѣ говорю, ужъ это были такіе прихѣтры.

Тарбѣевъ. Мнѣ Лизу бѣдную жаль. Вчера вечеромъ она просто чуть не плачетъ ужъ. Мама, говорить, устаетъ ужасно...

Кашинскій. Ни-ни. Ни за что. Ты ей скажи. Объясни, что это ея шашапъ нисколько не вредно, напротивъ полезно... Лучше — куда! — всякихъ массажей, я тебѣ говорю, это единственное спасеніе твое.

Тарбѣевъ (смѣясь). Я объяснялъ. Она — нѣтъ, говорить, и этакое посиѣшище она сдѣлалась.

Кашинскій. Какое же посмѣшище? Далъ дѣло старухѣ. Съ жиру бѣсилась — теперь занята.

Тарбѣевъ. Ну, какое же это дѣло! Развѣ Лиза не понимаетъ?

Кашинскій. Ну, тогда ничего не выйдетъ. Лучше и не начинать было тогда!

Тарбѣевъ. Она взяла съ меня слово вчера, что больше недѣли еще это не протянется, что больше я не буду просить ее хозяйничать.

Кашинскій. Вотъ напрасно. А какъ сегодня она не сдастся, дольше она протянетъ.

Тарбѣевъ. Нѣтъ, не думаю... Она ужъ и то что-то начинаетъ поговаривать...

Кашинскій. Ну, смотри. А какъ полѣзетъ съ мужиками судиться? Къ мировому, къ уряднику?

Тарбѣевъ. Не думаю. Лиза говорила, вчера она ужъ намекала ей что-то такое про поѣздки къ другой дочери въ Тульскую губернію.

Кашинскій. Да?! Это хорошій, положимъ, признакъ.

Тарбѣевъ. Лиза говоритъ, что все спрашиваетъ, не говорилъ ли я чего объ ней? Такая, говоритъ, въ немъ вдругъ перемяна — просто понять не могу: не довѣрялъ, не довѣрялъ все время моимъ знаніямъ и вдругъ теперь повѣрилъ.

Кашинскій. Да? Это хорошо! Но только выдержать надо до конца. Иначе все пропало. Лучше было бы и не начинать тогда.

Тарбѣевъ. Нѣтъ, какъ можно!

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

(По ступенькамъ террасы быстро идетъ Лизавета Мих.).

Лизавета Мих. Сережа, это такъ нельзя!...

Тарбѣевъ. Что такое?

Лизавета Мих. Ты посмотри, какая шатап прѣхла сейчасъ: вся красная, растрепанная, въ пыли... Это Богъ знаетъ что такое. Я на нее безъ жалости смотрѣть не могу эти дни.

Кашинскій. Боже мой! Да, это развѣ вредно ей? Полная, сырая женщина—да это преполезно ей, она беретъ же массажъ, а это полезнѣе въ тысячу разъ ей всякихъ массажей.

Тарбѣевъ. Да! Развѣ это? Вотъ еслибы это было ей вредно.

Лизавета Мих. Въ ея лѣта нельзя этого.

Кашинскій. Въ ея лѣта-то, душа моя, и надо. Массажъ старики только и берутъ.

Тарбѣевъ. Она даже,—знаешь, что я тебѣ скажу?—она за это время положительно здоровѣе стала. Загорѣла, цвѣтъ лица у нея какой!...

Кашинскій. Конечно!

Лизавета Мих. По эдакой страшной жарѣ... разлѣзаетъ въ дрожкахъ по пашнямъ и копны считаетъ... Сегодня рассказываетъ, двѣ ты-

сячи слишкомъ копень сосчитала. И это полезно по-вашему? Это ужасно!...

Кашинскій. А, душа моя, какъ же ихъ жвуть-то эти копны да вяжутъ потошь?... Это вѣдь труднѣе будетъ, чѣмъ считать ихъ.

Лизавета Мих. Да, вѣдь, то мужики, они ужъ привыкли.

Тарбѣевъ. Нѣтъ, и бабы жвуть и вяжутъ.

Лизавета Мих. И тѣ тоже ужъ привыкли.

Кашинскій. А какже, мой другъ, ты думаешь хозяйничать-то? Ты думаешь, это легкое дѣло?

Лизавета Мих. (задумчиво). Я право не знаю, что дѣлать. Мнѣ такъ жаль шатап...

Кашинскій. Да я же тебѣ говорю—что-жъ, я развѣ шучу?—это даже нисколько не вредно ей,—напротивъ, преполезно!

Лизавета Мих. Дядя, но она такъ устаеть! Она страшно устаеть.

Кашинскій. Да это-то ей и полезно!...

Лизавета Мих. Какое же преполезно—это переутомленіе ужъ! И вѣдь Сережа какой?—Онъ мѣры не знаетъ ни въ чемъ. Во всякое отстранялъ ее отъ всего, то вдругъ теперь опять за всѣмъ къ ней, за каждой глупостью—онъ ей и отдохнуть не даетъ, за каждымъ вздоромъ къ ней.

Кашинскій. Такъ и надо. Я объяснилъ ему. Что это такое,—на что это похожи были отношенія, какія я засталъ тутъ у васъ?... Она, душа моя, старшая у васъ въ домѣ, и ее во всемъ надо слушать, спрашивать ея совѣтовъ.

Тарбѣевъ. Кажется, я...

Лизавета Мих. Но нельзя же все на одну на нее валить? Онъ ужъ до того дошелъ, что и варенье она чтобы ему сама варила, и салатъ дѣлала...

Кашинскій. Это онъ, моя душа, заглаживаетъ старое. Ну, отчего же ему и не польстить ей, не сказать, что никто лучше ея салата ему не сдѣлаетъ? Отчего же не утѣшить старушку?... Она же вѣдь такъ васъ любить обонхъ...

Тарбѣевъ. Да, шатап, кажется...

Лизавета Мих. (къ мужу). Вотъ теперь опять. Ну, зачѣмъ ты ее просилъ, чтобы она сама тебѣ сварила китайскихъ яблочковъ?

Тарбѣевъ. Потому, что она ихъ отлично варить.

Кашинскій. (беретъ руку у Лизав. Мих. и цѣлуетъ ее). Ахъ, какая ты смѣшная, чудака, моя милая.

Лизавета Мих. Да какже, дядя?—мнѣ все кажется, что это онъ нарочно.

Кашинскій. Что ты, что ты!... душа моя.

Лизавета Мих. Нѣтъ, право. Какже это вдругъ онъ?..

Кашинскій. Этому радоваться надо!...

Тарбѣевъ. Я не знаю. Ужъ если и теперь шатап недовольна?!...

Лизавета Мих. Вы дядя ее знаете... Ова вѣдь добрая...

Кашинскій. Да кто же въ этомъ сомнѣвается!...

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

На верху террасы показывается Кильдякова въ кисейной просторной блузѣ, шея безъ воротничковъ, голова причесана гладко съ жиденькой косичкой, позади свернутой въ пучекъ. Рукава безъ рукавчиковъ; шлепаетъ туфлями. Видъ усталый, почти удрученный. Замѣтилъ ее, Кашинскій и Тарбѣевъ встаютъ и идутъ къ ней навстрѣчу вверхъ по ступенькамъ.

Кашинскій. А вотъ и шатап!...

Тарбѣевъ. Матап! *(Наверху цѣлуютъ у нея руки.)*

Кашинскій. Неузнаваема! Просто узнать нельзя! Здоровый совсѣмъ видъ! Цвѣтъ лица какой! Загорѣли вы!...

Тарбѣевъ. Ахъ, дядя, еслибы ты зналъ, жара сегодня какая. Вотъ мы съ шатап нынче съ утра...

Кашинскій. *(Подставляетъ ей руку, и они спускаются внизъ по ступенькамъ.)* Вотъ это я понимаю! Вотъ это жизнь въ деревнѣ настоящая, какъ слѣдуетъ! А то что? *(Доводитъ ее до кресла у чайнаго стола, которое Тарбѣевъ съ женой ей подставляютъ. Вобщемъ все кидаются ей услужить.)*

Кильдякова. *(Опускается съ блаженствомъ въ кресло и протягивается въ немъ.)* Merci!

Лизавета Мих. Мама ужасно устала. Сегодня она больше всѣхъ дней устала.

Тарбѣевъ. Матап долго скакала въ дрожкахъ за одной лошадей крестьянской, которая зашла къ памъ въ рожъ. Никого возлѣ не было, такъ она сама съ кучеромъ загнала ее.

Кашинскій. Вотъ она, настоящая-то хозяйка! Вотъ вѣдь въ чепъ, дѣло-то. Вѣдь вотъ что дорого-то?!... Это вотъ я понимаю. Это вотъ настоящее хозяйство!...

Тарбѣевъ. Матап назначила за это сегодня и самый высокій штрафъ — 10 рублей за эту лошадь. Она до сихъ поръ такія высокіе штрафовъ еще не назначала.

Кашинскій. И отлично. Такъ и надо. И отдадутъ!... Я уже теперь началъ понимать въ чепъ дѣло. Отдадутъ навѣрно.. На чепъ же они будутъ работать? *(Во все это время Кильдякова не говоритъ, а только дѣлаетъ знаки согласія, наклоняя голову.)*

Лизавета Мих. Сережа все вначалѣ не соглашался съ мамой. Не вѣришь, что его грабятъ мужики.

Кашинскій. А! Да что твой Сережа понимаетъ!...

Кильдякова. Нельзя быть снисходительной...

Я не злая женщина, но снисходительной нельзя быть... Я по опыту это знаю...

Кашинскій. Да конечно нельзя!..

Тарбѣевъ. Нѣтъ, дѣйствительно, теперь я вижу. Теперь, когда шатап взяла все въ свое завѣдываніе...

Лизавета Мих. Но за то во что это обходится шатап... ее здоровье...

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Съ верху террасы спускается лакей и докладываетъ.

Лакей. Мужикъ Федоръ Прокофьевъ пришелъ.

Тарбѣевъ. Что ему нужно?

Кильдякова. Ахъ, это тотъ, чья лошадь!

Тарбѣевъ. Ни за что не прощать! Нѣтъ, нѣтъ, довольно. Пускай десять рублей платитъ и тогда беретъ свою лошадь. А то — ни за что. Такъ вѣдь, шатап?

Кильдякова. По-моему—да.

Кашинскій. Я думаю!...

Лизавета Мих. Сережа, я просто не узнаю тебя.

Тарбѣевъ. Ахъ, еслибы ты вынесла все то, что я вынесъ, — ты бы, можетъ быть, еще больше моего стала неузнаваема! *(Къ Кильдяковой)* Матап, ни за что не прощайте... Нѣтъ, нѣтъ, надо ихъ отучать, довольно. *(Къ лакею)* Скажи, что ни за что, ни за что... *(Вдвухъ вскакиваетъ.)* Постою, сейчасъ я еще прикрикну на него хорошенько *(Убѣгаетъ.)*

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Лизавета Мих. Вотъ Сережа—посмотрите—сейчасъ мужика этого и простить. Начнетъ онъ плакать, каячить, Сережа и простить его.

Кашинскій. Нѣ-ѣ-тъ! ни за что! Нѣтъ, это ужъ теперь довольно. Онъ понялъ теперь ужъ!... Матап открыла ему теперь глаза.

Кильдякова. Не говорите. Все еще можетъ быть... Очень можетъ быть. Онъ такъ невозможно добръ, такъ снисходителенъ.

Кашинскій. Нѣтъ. Ручаюсь вамъ. Я вѣдь зваю его. Хотите какое угодно пари?

Кильдякова. Не знаю.

Лизавета Мих. А если простить?

Кашинскій. Нѣтъ, Сережа—это такая натура, которой надо только понять, а тамъ онъ ужъ и самъ пойдетъ дальше...

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Сверху бѣжитъ Тарбѣевъ и, высоко поднявъ десятирублевую бумажку, еще со ступенекъ кричитъ.

Тарбѣевъ. Вотъ она! Такъ-то лучше. Отдалъ и спорить не сталъ.

Кильдякова. Я вамъ говорила!

Кашинскій. *(къ Лизаветѣ Мих.)* Что?

Лизавета Мих. Это что-то удивительно. Я смотрю эти дни на Серезу и только удивляюсь.

Тарбѣевъ. Довольно! Нѣтъ, довольно ужь... Машап, это сколько теперь будетъ? *(Жидаетъ бумажку на столъ.)* Это сто шестьдесятъ семь рублей теперь будетъ, — вотъ сколько. Было сто пятьдесятъ семь рублей, да эти вотъ десять рублей. Сто шестьдесятъ семь!...

Кашинскій. И это набрали вѣдь всего въ двѣ недѣли. Вотъ видишь, сколько у тебя пропадало!... Вотъ это я понимаю. Это хозяйство!... Да. А все, кто это сдѣлалъ? Кому ты этики обязанъ? Ручку!... цѣлуй ручку у машап. *(Тарбѣевъ цѣлуетъ руку у Кильдяковой.)*

Кильдякова. Теперь, когда направлено все какъ слѣдуетъ по вѣрной дорогѣ... Только не спускать, не дѣлать поблажки...

Кашинскій. Только не спускать! Спросите его, — то же самое я ему говорю.

Тарбѣевъ. Да, ужь теперь, что жь — ясное дѣло.

Кашинскій. Да. А сколько времени, машап говорить, ты упрямился-то?

Лизавета Мих. Вѣдь вотъ, дядя, онъ и тогда, когда вы только что приѣхали-то къ намъ, — тоже вѣдь исторія у насъ была все изъ-за упрямства...

Кашинскій. Знаю я! Я все знаю и все теперь понять...

Тарбѣевъ. Конечно, я сознаю... я виновать былъ передъ машап... *(Къ тещу.)* Машап я увѣренъ, простила меня теперь? *(Беретъ ея руку.)*

Кашинскій. Благодарю, благодарю...

Кильдякова. Serge теперь понять. А началъ... да, онъ не довѣрялъ мнѣ...

Кашинскій. И если машап поведетъ дѣло такъ еще нѣсѣца два-три — будетъ такъ же рано вставать, за всѣмъ сама слѣдить, всюду разѣзжать, — безъ этого ничего нельзя, — и будетъ такъ же строга...

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

(Изъ глубины сада выходитъ садовникъ и несетъ въ рѣшетѣ китайскіе яблочки.)

Тарбѣевъ. А! Семень, это что? Ты яблочки привнесъ?...

Садовникъ. Приказывали набрать.

Тарбѣевъ. Да, да. *(Къ Кильдяковой.)* Машап! Объ чемъ я васъ просилъ, что вы мнѣ общали-то!...

Лизавета Мих. Но, вѣдь, хоть не сейчасъ же! Ты видишь, машап устала такъ.

Тарбѣевъ. Да вѣдь машап сидѣть будетъ...

Кашинскій. Это чудное варенье. Если кто умѣетъ хорошо его варить...

Кильдякова. Ну, хорошо, изволь. Я тебѣ уже сварю его.

Тарбѣевъ. Машап, когда же ужь? Послѣ обѣда мы съ вами опять сегодня въ поле поѣдемъ.

Вѣдь тамъ сегодня косятъ, жнутъ и никого нѣтъ. Нельзя же, чтобы никто тамъ не пострѣлъ за ними...

Кашинскій. Да, ужь безъ присмотра нельзя! Нѣтъ.

Лизавета Мих. Какъ? опять намѣ вѣхать въ поле?

Тарбѣевъ. Да. А то какъ же? Ты какъ думаешь, безъ прикащика-то самому если за всѣмъ смотрѣть? И я тоже поѣду. Вотъ пообѣдаемъ сейчасъ, народъ тоже пообѣдаетъ, мы съ машап и поѣдемъ... *(Къ садовнику)* Семень, поставь тамъ вонъ, да скажи чтобы поскорѣй сюда тазикъ для варенья, щепокъ, таганчикъ принесли. Вотъ тутъ огонекъ разведутъ, машап и будетъ варить. *(Семень ставитъ рѣшето съ яблоками на стулъ и идетъ передавать приказаніе насчетъ тазика и пр., а Тарбѣевъ цѣлуетъ руку у Кильдяковой. Нѣсколько времени спустя являются женщины дворовая съ принадлежностями и по указанію Тарбѣева разводятъ огонекъ и все приготавливаютъ.)*

Лизавета Мих. Это Богъ знаетъ что! Мама, ты такъ устала! И ты опять поѣдешь въ поле?

Кашинскій. Машап отдохнетъ до той поры.

Кильдякова. Я безпокоюсь, успѣютъ ли они все связать сегодня, что скошено...

Тарбѣевъ. Какъ же можно! Непременно надо. Вы, машап, поѣдете гдѣ вѣжутъ, а я поѣду — гдѣ жнутъ.

Кашинскій. Вотъ вѣдь и смотрѣть приятно. Я просто не нарадуюсь на васъ теперь... И если Раиса Павловна еще такъ хорошо поведетъ дѣло... ну, хоть въ теченіе этого одного лѣта, вплоть до конца уборки...

Кильдякова *(грустно качаетъ головой)*. Ахъ, друзья мои, съ удовольвіемъ бы. И не смотря даже на года мои... Но я вамъ должна объявить, къ сожалѣнію, одну очень неприятную для меня вещь...

Тарбѣевъ. Какую?

Кашинскій. Что такое?

Кильдякова. Я хочу на-дняхъ къ Катенькѣ въ Тульскую губернію вѣхать. Я что-то непокойна сердцемъ за нее.

Тарбѣевъ. Что такое? Въ чемъ дѣло? Вы получили письмо отъ нея?... *(Кашинскій дѣлаетъ удивленное лицо и разводитъ руками.)*

Кашинскій. Что такое?

Кильдякова. Здѣсь все теперь въ порядкѣ... какъ слѣдуетъ идти. Не нужно только опускать. Вести все такъ, какъ идетъ теперь...

Тарбѣевъ. Да вы что, получили извѣстіе какое отъ нея?

Кильдякова. Нѣтъ, но у меня предчувствіе... Что-то въ родѣ предчувствія какого-то... И потомъ сонъ я нехорошій видѣла... Я снамъ, конечно, не вѣрю, но это меня безпокоитъ...

Тарбѣвъ. Какой сонъ?

Кильдякова. Насчетъ Катѣ. И я беспокоюсь: все ли у нихъ благополучно...

Кашинскій. Вона! Что же это?

Лизавета Мих. Мама... ну, что? Не уѣзжай. Къ Катѣ можно телеграмму послать, узнать, что у нея? Ничего еще можетъ и нѣтъ, Богъ дастъ... Мама, оставайся у насъ. Погоди. Ты отдохни лучше, не занимайся такъ этимъ хозяйствомъ.

Кильдякова. Нѣтъ мой другъ. Не проси. Не будь такой эгонстой. Я вамъ, чѣмъ умѣла, помогла, и другимъ надо тоже помочь. Я и Катю люблю... Я и тебя люблю (*Привлекаетъ къ себѣ на грудь голову дочери и целуетъ ее.*) и Катю тоже люблю... Зимой, Богъ дастъ, въ Москвѣ увидишься... А теперь я поѣду.

Кашинскій. Ну, что это! Такъ вдругъ? Ничего не говорили намъ и вдругъ.

Лизавета Мих. Мама... ну, погоди, не ѣзди!

Тарбѣвъ. Погодите, не ѣздите.

Кашинскій (*Тарбѣву*). Сергѣй! Проси, проси... упрямивай.

Тарбѣвъ. Мама!

Кашинскій. Ручку дѣлуй... на колѣни становись...

Кильдякова (*Тарбѣву*). Нѣтъ, мой другъ. Нельзя же быть такимъ эгонстой. Не просите меня... Я сдѣлала для васъ, что могла...

Тарбѣвъ. Ахъ, шатап, шатап!... Когда же вы думаете уѣзжать отъ насъ?

Кильдякова. На этихъ дняхъ, мой другъ...

Лизавета Мих. И я увѣрена, что мама уѣзжаетъ отъ насъ потому, что ее замучили этихъ противнымъ хозяйствомъ. Мама прѣхала въ деревню къ намъ отдохнуть на лѣто, а ей ни минути покоя не даютъ.

Кашинскій. Таковъ, мой другъ, удѣлъ всякаго истиннаго знанія, таковъ удѣлъ опыта, практики. Они и въ самой глубокой старости должны подавать пригѣръ труда и энергій молодежи, подавать имъ полезныя совѣты, дѣлать мудрыя указанія...

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

(*По ступенькамъ террасы торопливо бѣжитъ старикъ лакей и, останавливаясь передъ господами, вполголоса докладываетъ.*)

Лакей (*Тарбѣву*). Ванюшка конюхъ сейчасъ прѣхалъ съ поля. Мужики, говорятъ, коровъ нашихъ загнали, все стадо загнали... Пастухи упустили... овода теперь на коровъ лѣзутъ... червячки у нихъ такіе подъ кожей заводятся... свербятъ они у нихъ, коровы и выкаются. Хвостъ къ верху... Въ овсы, говорить, жулицкіе ихъ упустили...

(*Нѣмая домашняя сцена.*)

Тарбѣвъ. Вотъ это сюрпризъ!... теперь будетъ... будетъ исторія...

Кашинскій (*пожимаетъ плечами и сме-*

хритъ на Кильдякову). Гм... Да, неприятная это исторія...

Тарбѣвъ. Мама!... Что же теперь дѣлать? (*Кильдякова сидитъ, откинувшись къ спинкѣ кресла, и поводитъ по вѣткѣ глазами. Тяжело дышетъ.*)

Кильдякова. Я это чувствовала... у меня было предчувствіе, что они ужъ сдѣлаютъ нѣ какую-нибудь гадость...

Лизавета Мих. Мама, тебѣ дурно! Ты такъ тяжело дышешь.

Кильдякова (*слабымъ голосомъ*). Ничего, мой другъ...

Лизавета Мих. Какъ ничего? Я ужъ вижу. Ахъ, это хозяйство!

Кашинскій. Да, это крестъ, и по нынѣшнимъ временамъ тяжелый... Да еще при температурѣ Райсы Павловны... при ея системѣ хозяйства...

Тарбѣвъ. Но что же дѣлать теперь?

Кашинскій. И много коровъ?

Лакей. Все стадо, Ванюшка говоритъ...

Кильдякова (*лакею*). Иди!... Доложилъ и иди. Что ты тутъ? (*Лакей уходитъ. Она говоритъ ему вслѣдъ:*) Вѣдъ радуется господскому несчастью. По глазамъ вижу, что радуется. Ахъ... (*поворачиваетъ голову изъ стороны въ сторону, какъ бы не найдя себѣ покойнаго положенія.*)

Тарбѣвъ (*Кашинскому*). Съ телятами штукъ двѣсти будетъ.

Кашинскій. Ой-ой-ой!...

Тарбѣвъ. Если по десяти-то рублей они затопятъ получить...

Кашинскій. Это двѣ тысячи... Да... Гм...

Тарбѣвъ. Мама!...

Кильдякова (*приходя въ себя*). Я тебѣ говорила: чувствовала это... Было у меня предчувствіе... Этого надо было ожидать. Это они все по злобѣ на меня.

Тарбѣвъ. Но что же намъ дѣлать теперь?

Кильдякова (*слабымъ голосомъ*). Это они по злобѣ на меня.

Тарбѣвъ. Но дѣлать-то что же теперь, шатап?

Кильдякова. Ты поѣзжай... Ты съѣзди къ нимъ...

Тарбѣвъ. Нѣтъ, ужъ вы, шатап, съѣздите.

Кильдякова. Они тебя, мой другъ, больше любятъ; а я совсѣмъ больна. Тебѣ надо ѣхать. Ты скажи имъ, какъ это ты все говоришь? «По-сосѣдски... Сосѣдское это дѣло»... Они тебя слушаютъ.

Тарбѣвъ. Это, шатап, прежде было. А теперь они скажутъ: ты самъ штрафъ съ насъ бралъ...

Лизавета Мих. Съѣзди, Сережа. Они послушаютъ тебя. Ты сколько разъ имъ прощаль... съѣзди...

Тарбѣвъ. Да вѣдъ и они сколько разъ про-

щале, также вѣдь и они загнали, съ меня штрафа не брали.

Кильдякова. Ахъ!... (Къ дочери и держась за високъ.) Душа моя, Лиза, дай мнѣ виски потереть—спирту...

Кашинскій (кидается къ ней). Что съ вами?

Тарбѣевъ (тоже). Что съ вами, шашап?

Лизавета Мих. Мама!... что съ тобой?...

(Лизавета Мих., а вмѣстѣ съ ней одна изъ женщинъ у варенья, стѣшитъ въ домъ и потомъ вскорѣ возвращается оттуда съ пучкомъ.)

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Кильдякова. Я устала. Это переутомленіе... Это пройдетъ. Только мнѣ отдохнуть надо...

(Кашинскій и Тарбѣевъ укладываютъ ее покойнѣе въ кресло-качалку.)

Кашинскій. Вотъ такъ.

Тарбѣевъ. Эдакъ лучше. Вы вотъ такъ, шашап.

Кильдякова. Благодарю... Спасибо... Мерсі.

Кашинскій. А какіе мошенники! Вотъ мошенники-то! Вотъ неблагоприятные-то!

Тарбѣевъ. Да! Все, что для нихъ шашап дѣлала!...

(Прибѣгаетъ Лизавета Мих. и даетъ ей нюхать спиртъ, третъ виски.)

Лизавета Мих. Ну что, мама?

Кильдякова (нюхаетъ и говоритъ съ разстановкой.) Ничего... теперь лучше. Это отъ усталости. Это отъ переутомленія... Мнѣ отдохнуть надо...

(Приходитъ совсѣмъ въ себя.)

Лизавета Мих. Я говорю: переутомленіе. Мама, ты лягъ, отдохни. Усни.

Кашинскій. Переутомленіе—ничего больше!

Тарбѣевъ. Но, что же мы будемъ дѣлать теперь?

Кильдякова. Нѣтъ... Мнѣ отдохнуть надо, какъ слѣдуетъ. Эти всѣ неприятности, чтобы хотя на время... (Къ Тарбѣеву.) Знаете что, мой другъ?

Тарбѣевъ. Что, шашап?

Кильдякова. Я сегодня хочу ѣхать. Вѣдь это все равно важъ. Я такъ непокойна душой насчетъ Кати... Этого сонъ...

Лизавета Мих. Но какъ же сегодня-то, мама?

Кильдякова. Нѣтъ, сегодня... Нѣтъ, я такъ непокойна душой.

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

(Идетъ горничная и докладываетъ Кильдяковой.)

Горничная. Массажистка изъ города пріѣхала. Прикажите ей дожидаться?

Кильдякова (безнадежно и устало махаетъ рукой). Ахъ нѣтъ, Богъ съ ней. Нѣтъ, не нужно ее совсѣмъ. Отпустите ее. Скажите, что больше не нужно.

Кашинскій. Напротивъ. Теперь-то вамъ и необходимо. Я бы вамъ совѣтовала...

Лизавета Мих. Ахъ, Богъ съ вами, что вы говорите! Мама и такъ ужъ...

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

(Бѣжитъ лакей и докладываетъ.)

Лакей. Мужики эти, которые нашихъ коровъ загнали, пришли... Что прикажете имъ сказать?... человекъ двадцать пришло... говорятъ меньше какъ по десяти рублей не возьмутъ за каждую корову...

Тарбѣевъ. Машап!... Что же намъ дѣлать?...

Кильдякова (дѣлаетъ усиліе, чтобы встать). Нѣтъ, такъ-таки ужъ пускай и будетъ!... Сегодня велите заложить мнѣ лошадей, я сегодня же и поѣду на станцію къ вечернему поѣзду...

(Кашинскій и Лиза ее поддерживаютъ. Тарбѣевъ тоже.)

Тарбѣевъ. Машап, а что же я стану дѣлать?

Кильдякова. Ахъ... Я ужъ теперь ни о чемъ и думать не могу...

Лизавета Мих. (съ упрекомъ ему). Сережа, ты видишь мама въ какомъ положеніи!

Кашинскій. Переутомленіе! Съ шашап переутомленіе. Ей отдыхъ нуженъ. Она уѣдетъ теперь и отдохнетъ у Катерины Михайловны въ Туль...

Кильдякова. Ахъ... Я не могу... Я ни о чемъ думать не могу... (Озирается на лакея, который все тутъ еще стоитъ.)

Кашинскій. Это всегда, когда переутомленіе... (Кильдякову уводятъ въ домъ Лизавета Мих. и Кашинскій. Тарбѣевъ опускается на кресло и въ блаженномъ состояніи опускаетъ руки.)

Тарбѣевъ. Боже мой! Неужели она уѣдетъ?! О-о-о!...

(Кашинскій, проводивъ до дверей Кильдякову и пропустивъ ее, оборачивается и дѣлаетъ знакъ рукою Тарбѣеву: дескать что?— какъ говорилъ тебѣ, такъ и вышло...)

Закантъся.